

Книга стихов «Метроном» вышла в 2018 году в издательстве "Водолей" в Москве (Россия). Страниц — 216. ISBN 978-5-91763-410-4.

Михаил ДЫНКИН

МЕТРОНОМ

* * *

Говорит малькам рыба корюшка:
«У приматов Бог вроде кореша,
а у нас – карась с рылом окуня,
километр в длину или около.
Плавники красны, хвост сияющий.
Бог сквозь наши сны проплывающий.
Имманентен он, трансцендентен ли –
не друзья мы с ним, а свидетели,
но чего, чему – вот где ёрш зарыт.
Эй, в шестом ряду, кто там ёрзает?»

Мир стоит себе на семи волнах,
а над ним плывёт золотистый сом,
белый жемчуг дней у него в усах,
он плывёт, плывёт и впадает в сон.
И становится на Земле темно.
И приматы жгут в темноте костры.
И приходит Бог пожалеть их, но
в тине глаз его только сны.

* * *

– стрекоза, я бабочка, как слышишь?

– никакая я не стрекоза!
я лечу фанерой над Парижем
у меня зелёные глаза
подо мною что-то вроде крыши
а на крыше что-то вроде за...
закорючки... может быть, труба, но
толком разобраться не могу
лишь хватаю чёрными губами
воздуха гнилую курагу
подгибаю лапки, погибаю
превращаясь в искрящую дугу

– стрекоза, ты там поосторожней

– бабочка, спасибо за совет!
он тупой, тупее невозможно
а ведь я по жизни интроверт
то есть болтовне пустопорожней

говоря решительное «нет»

– стрекоза, отставить перебранку!
я спешу на помощь, я в пути
с пузырьком отборной валерьянки
даже не просроченной почти
отвечай, родная, не тяни же!
стрекоза, откликнись, стрекоза
я лечу фанерой над Парижем
мне без собеседника нельзя

Жук

Жук идёт по улице жучиной,
встречным улыбается жукам.
Ладный и воспитанный мужчина,
вот бы и другим холостякам
выглядеть как минимум не хуже.
Крылышки сияют на свету.
Смокинг из хитина отутюжен.
Сигарета тонкая во рту.
Жук идёт по радужным отбросам,
по траве, похожей на траву,
по спине истлевшего барбоса,
по руке лежащего во рву
мертвеца.
– Нашёл же где разлечься! –
злится насекомое. – Каков!
Что-то есть в природе человеческой,
что претит сознанию жуков.
Но теперь покончено и с этим.
Видишь, с неба катятся огни?
Жили-были люди на планете.
Хорошо, что кончились они.

* * *

Родились у сына две матери, два отца.
И одну-то мать укусила в плечо оса.
Вроде пустяк, а кончилось всё плачевно.
Врач пришёл, поохал – вот тебе и лечение.
И не стало матери, попросту вышла вся.

А старшой отец погиб в двадцать лет на Сомме.
Не успел надеть противогаз спросонок.
Он вернулся призраком с той войны,

в глазницах роятся мухи.
И скелет служанки готовит ему блины
из чистой муки.

Что тут будешь делать? Зажили они втроём.
Да младшенький-то отец (кажется, всё при нём –
красавец каких поискать, царственная осанка)
утонул в реке, ходит теперь к русалкам
чуть ли не каждой ночью, а то и днём.

Время мчится вскачь, кубарем дни по склону.
Хороша ты, мать, да чересчур сурова –
тот тебе не этак, этот тебе не так,
скоро и охотников не найдётся.
Мать сидит на кухне, курит отборный мак,
смеётся.
«Замуж? Ну ты сказал! – слепит его коленями. –
Ох, уж мне это старшее поколение...»

Он сглотнёт слюну. Снова сглотнёт. Исчезнет.
(Шёл по воде, сам становился синим.)
А под платьем-то у неё только цветные бездны.
Вот оно где, фамильное место силы.

Блудный сын

выпал снег, незадача случилась –
блудный сын возвратился домой
а под утро ножом перочинным
на стене нацарапал: «Долой
императора!» – так получилось;
выпил лишнего, слаб головой

мы его от греха-то скрутили
посадили в чулан на горох
папироску по кругу пустили
вышли из дому, замерли: «Ох!» –
целый мир на глазах исчезает
только снег продолжает лететь
и под ним замерзают пейзажи
а вдали проступает отец-
император в песцах и лосинах
(так лавина спускается с гор)
что за муха его укусила?
ангажируем сына, Егор
извлекай своего разночинца

из чулана, была не была
пусть покажет чему научился
прежде чем разразится беда
он боролся с засилием денег
динамитом прореживал знать
и, возможно, расскажет «Что делать?»
если будет кому рассказать

Бабочки

В расшитом бабочками платье она плывёт по воздуху,
покуда мать лежит в кровати и превращается в труху.
А что за хворь старушку точит – не знают даже доктора.
А брат в другой стране, а отчим гнёт спину с самого утра
на птицефабрике, где куры таких размеров и цветов,
что лучше выйдем и покурим – я, извините, не готов...

По грудь листвой засыпан жухлой тоскливый Энск неделями.
И льют дожди без промежутков. И ветер с видом деловым
прогуливаясь, прячет фигу в кармане серого плаща...
Она захлопывает книгу, сдувает бабочку с плеча.
Вторую... Пятую... Окна из,
стараясь быть на высоте,
они летят, перекликаясь
с оставшимися в животе.

* * *

Смотри, прошла эпоха целая.
Как будто нам с тобой по ящику
крутили фильмы чёрно-белые;
как будто куклы говорящие,
за кадром поясняя каждое
музейным ставшее событие,
зевали, мямлили и кашляли,
чтоб усыпить невольных зрителей.
И, засыпая с их подачи, мы
в телах астральных (или как их там?)
над покосившимися дачами
летим себе в потоке квантовом
ополоумевшими птицами,
презрев азы воздухоплавания.
И если ты волна, частица я,
а если ты частица, я – волна.
Чем люди больше или меньше мы,
не существа – скорее, сущности

над лесом за ноги подвешенным,
над серым озером расплющенным.
И вот на краешке сознания,
выныривая из орешника,
разинул город без названия
свои ворота проржавевшие.
Дрожат сады Семирамидовы
над тишиной его стозевною.
И бьёт хвостом за пирамидами
змея коллайдера подземного...
Ещё мгновение и кончатся
скопления перистых и арочных.
И кожа с них полезет клочьями.
И точно огненные бабочки,
глаза Анубиса поднимутся
на все небесные неровности.
И мы проснёмся и обнимемся
или столкнёмся и угробимся.

* * *

Они едва общаются и вовсе
не существуют, но порой случается,
он в комнату большое тело вносит,
включает телевизор, отключается.
Она гремит кастрюлями на кухне,
разогревает ужин – ей так кажется.
Роняет чашки, волосы, окурки.
Да что окурки, жизнь под горку катится!
Он выползает на источник шума;
они бранятся, это длится сутками.
Приходит в гости деверь или шурин
ещё раз убедиться в их отсутствии.
Его и самого на свете нету,
на этом – точно, а про тот не спрашивай.
И всё-таки он курит сигарету,
прильнув к окну, и видит шар оранжевый
над тополями, двор с площадкой детской,
провалы улиц – всю изнанку матрицы.
Плечами пожимает: время, дескать,
идти к себе, вот только вспомнить адрес бы.

Ты ставишь точку, точка весит тонну.
(Боюсь, что в одиночку ты не справишься.)
Твоё лицо, скользнув по монитору,
посмертной маской падает на клавиши.

* * *

По вечерам мы закрываем окна.
По вечерам мы запираем двери.
И всё равно слышим, как за стеною,
стоя во тьме, зовут нас хищные травы:
– Выйди, дружок, и наслаждайся танцем
тысяч зелёных пальцев,
чечёткой смерти...
Дед говорит, многие выходили,
переставали сопротивляться зову.
Дед говорит, он видел, что с ними стало.
Дед говорит, лучше бы он не видел.

По вечерам, разогревая ужин...
По вечерам, разогревая ужин,
дед говорит, травы владеют чем-то
вроде гипноза – это и заставляет
нас повторять отдельные фразы дважды
(дед говорит – смертельные фазы жажды),
будто бы мы сомнамбулы или в трансе.
Но, говорит, это еще цветочки.
Видишь ли, Сэм, травы высвобождают
древнее зло, ждущее в человеке.
Вот как сейчас.
И начинается танец,
танец зелёных пальцев,
зелёных пальцев...

Выйди, дружок, не поддавайся страху.
Или войди, разницы больше нету.
Видишь ли, Сэм, разницы больше нету.

МЕТРОНОМ

Книга стихов

Михаил ДЫНКИН. "Метроном".

Автор: Библиотека наших авторов
07.04.2018 08:48

Михаил Дынкин (1968) — журналист, публицист, автор книги «Метроном».

